

RU

Минимальное семантическое описание значения применительно к абстрактной лексике на примере немецкой лексемы „Rechtsstaat“

Степанова М. А., Саванкова Е. В.

Аннотация. Цель исследования заключается в решении вопроса о возможности выявления скрытых значений абстрактной лексемы и их представления с помощью описательного метода генеративного лексикона. Научная новизна характеризуется формированием опыта когнитивного моделирования юридической лексики через коннотативные смыслы, причём впервые для исследования глубинной смысловой структуры абстрактной лексемы и её семантической вариативности применён метод анализа квалиа-структуры Дж. Пустейовского. В процессе теоретического исследования показана важность контекста, прагматики и синтаксиса, выявлена несущественность таких характеристик, как абстрактность и конкретность, для описания семантической структуры лексем. Междисциплинарность исследования даёт ключ к коннотативной семантике, дополняющей спектр значений контекстуальными смыслами. Выделенные зоны значений характеризуются как ядерная, приядерная и периферийная в зависимости от степени выраженности этих значений: некоторые из них являются общими и наиболее частотными, другие встречаются не во всех словарных дефинициях или только в отдельных контекстных примерах. Результатом исследования является обнаружение у немецкой лексемы „Rechtsstaat“ семантических признаков разной степени выраженности, среди которых глубинный важный смысл «справедливость» может быть утерян в силу этнопсихологических факторов восприятия.

EN

Minimal semantic description of meaning in relation to abstract vocabulary using the example of the German lexeme „Rechtsstaat“

M. A. Stepanova, E. V. Savankova

Abstract. The research aims to address the issue of identifying hidden meanings of an abstract lexeme and representing them using the descriptive method of generative lexicon. The scientific novelty lies in developing a cognitive modeling experience of legal vocabulary through connotative meanings, where for the first time, J. Pustejovsky's method of qualia structure analysis is applied to investigate the deep semantic structure of an abstract lexeme and its semantic variability. Through theoretical research, the importance of context, pragmatics, and syntax is demonstrated, highlighting the insignificance of characteristics such as abstractness and concreteness for describing the semantic structure of lexemes. The interdisciplinary nature of the research provides a key to connotative semantics, complementing the range of meanings with contextual senses. The identified zones of meanings are characterized as nuclear, circumnuclear, and peripheral depending on the degree of expression of these meanings: some are common and most frequent, while others are not present in all dictionary definitions or present only in specific contextual examples. The research findings amount to the discovery of the semantic features of varying expression levels in the German lexeme „Rechtsstaat“, among which the profound significant meaning of “justice” may be lost due to ethnopyschological factors of perception.

Введение

Актуальность исследования обуславливается, в широком смысле, потребностью общества в устойчивости, которая должна служить основой для всех направлений человеческой деятельности в современном мире и, в частности, необходимым условием лексической ясности и коммуникации в целом. Ввиду абстрактности и смысловой

вариативности лексема „Rechtsstaat“ обладает «широкой семантикой», которая не сводится к одному определению государства, подчинённого нормам права, и вызывает определённые трудности распознавания смыслов в рамках традиционных узколингвистических методов исследования.

Цели исследования служат выполнению следующих задач:

- обосновать возможность применения принципа генеративного лексикона к описанию семантики абстрактной лексемы „Rechtsstaat“;
- проанализировать словарные дефиниции лексемы „Rechtsstaat“;
- выявить скрытые контекстные значения данной лексемы и описать их в рамках квалиа-структуры.

Выбор методов исследования обусловлен целью и поставленными задачами. Компонентный анализ и, в частности, анализ словарных дефиниций помогают определить общие ядерные, то есть постоянные или обязательные, признаки рассматриваемого явления, а контекстный и корпусный анализ позволяет найти периферийные значения, раскрывающие определённую социокультурную коннотацию и глубинную смысловую структуру. Для наглядного представления глубинных смыслов применялась модель квалиа-структуры Дж. Пустейовского. С помощью когнитивного моделирования подчеркивалась степень проявления того или иного значения в контексте.

Материалами для исследования послужили авторитетные толковые и переводные словари:

- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/>;
- DUDEN – Deutsches Universalwörterbuch Duden. <https://www.duden.de/>;
- Wahrig – Wahrig Deutsches Wörterbuch / hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2018;
- Langenscheidt Online-Wörterbuch. <https://de.langenscheidt.com/>;
- PONS Online-Wörterbuch. <https://de.pons.com/>;
- Большой немецко-русский словарь / под ред. К. Лейна. Изд-е 8-е, стереотип. М.: Русский язык, 2001;
- OED – Oxford English Dictionary. https://www.oed.com/dictionary/rechtsstaat_n.

А также словари лингвистических терминов и семантико-синтаксического описания лексики:

- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд-е 6-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2016;
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010;
- Мельчук И. А., Жолковский А. К., Апресян Ю. Д. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984.

Использовались контекстные примеры из разных корпусов текстов, представленных в толковом словаре DWDS, из текстов СМИ (газеты Der Standard (<https://www.derstandard.at/>), Die Zeit (<https://www.zeit.de/index>), Frankfurter Allgemeine Zeitung (<https://www.faz.net/aktuell/>)), законодательных актов (GG – Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland / Основной закон ФРГ. <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf>), некоторых официальных источников, таких как федеральные министерства и ведомства (BMJ – Bundesministerium der Justiz / Федеральное министерство юстиции. https://www.bmj.de/DE/rechtsstaat_kompakt/grundgesetz/rechtsstaatsprinzip/rechtsstaatsprinzip_node.html; BPB – Bundeszentrale für politische Bildung / Федеральный центр гражданского образования. <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-junge-politik-lexikon/321020/rechtsstaat/>). Источником иллюстративного материала также являются некоторые публицистические тексты (Alt F. Liebe ist möglich. München: Piper, 1985) и глава из энциклопедии английского языка известного языковеда-англиста Д. Кристала, посвящённая абстрактным и конкретным словам (Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003), которую мы приводим на том основании, что лексическая семантика имеет универсальную для всех языков структуру (Youn, Sutton, Smith et al., 2016).

Теоретическую базу исследования составили труды по лексической семантике (Апресян, 1995; Кобозева, 2000; Калганова, 2022), когнитивной лингвистике (Кубрякова, 1994; Попова, Стернин, 2001; Виноградова, 2014; Глушак, Шевякова, 2023), контекстному анализу (Амосова, 1963; Бахтин, 1986; Колшанский, 1980; Леонтьева, 2019), теории морфологических категорий (Бондарко, 2005; Вольская, 2021), юридической терминологии (Бекишиева, 2017) и теории генеративного лексикона (Pustejovsky, 1991; Pustejovsky, Voguraev, 1993).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования для семинаров и спецкурсов по лингвистической семантике, юрислингвистике. Комбинация анализа квалиа-структуры с юрислингвистикой открывает новые перспективы для лингвистических исследований и исследований формирования лингвистической компетенции применительно к юриспруденции.

Обсуждение и результаты

В теории генеративного лексикона, разработанной американским ученым Дж. Пустейовским в 90-е годы XX века, есть модель описания значений, основанная на четырёх составляющих его качествах или компонентах, под названием «квалиа-структура» (Qualia Structure). Сам автор теории считает эту модель подходящей для минимального семантического описания значения, позволяющей уточнять значение в контексте или дополнять аспекты значения, не представленные в словарях. Принцип генеративного лексикона заключается в распределении семантической нагрузки на всё высказывание, в котором значение каждой составляющей зависит не только от известных фиксированных значений, но и от контекста, синтаксиса и прагматики (Pustejovsky, Voguraev, 1993, p. 204). Критики этой модели полагают, что она подходит только для конкретных слов и не применима к абстрактным (Харитончик, 2002, с. 73). Данное категоричное утверждение

вызывает сомнение не только в связи с вышеупомянутой значимостью контекста, синтаксиса и прагматики для всей семантической нагрузки высказывания, но и в связи с тем, что разные лингвистические подходы расходятся в критериях определения абстрактной и конкретной лексики. Общепринятыми являются семантический и морфологический критерии возможности употребления слова во множественном числе. Однако некоторые абстрактные имена также употребительны во множественном числе, в связи с чем морфологический критерий считают дополнительным по отношению к семантическому (Бондарко, 2005).

Сочетание конкретных и абстрактных значений у некоторых существительных подсказывает, что семантика не требует чёткого разделения на конкретные и абстрактные слова, и, следовательно, возможные варианты описания значений не ограничены этим дифференциальным признаком.

Так, британский лингвист Дэвид Кристал отмечает, что «на самом деле бывает довольно сложно определить, в каком смысле употребляется слово – чисто абстрактном или конкретном. Такие существительные, как “структура”, “версия” и “музыка”, допускают как абстрактное, так и конкретное толкование» (Crystal, 2003, p. 209).

Исследования на материале немецкого языка показывают, что «конкретной является только сама реальность, абстрактное же полностью синонимично понятийному» (Schrauf, 2011, S. 19), поэтому «слово или понятие никогда не может быть действительно конкретным» (Mauthner, 1923, S. 13).

В современном русском языке отмечаются «переходные явления в лексико-грамматических разрядах имен существительных, например, переход абстрактных существительных в разряд конкретных по причине употребления абстрактных существительных в форме множественного числа» (Вольская, 2021, с. 40). Форма множественного числа „Rechtsstaaten“ – «правовые государства» – встречается в широком контексте, а конкретный пример правового государства часто противопоставляется диктатуре, хотя основной обозначающий понятием «правовое государство» признак, а именно подчинённость нормам права, не существует в природе сам по себе. Описание глубинной смысловой структуры композита специфично тем, что он состоит из двух минимальных значимых частей слова, морфем, каждая из которых обладает своим лексическим значением, однако глубинные смыслы этого композита нельзя вывести из значений его частей, они проявляются в контекстном употреблении.

Сравнительный компонентный анализ лексем является традиционным для лингвистической семантики (Апресян, 1995; Кобозева, 2000; Жеребило, 2016). С позиции компонентного анализа семантическую структуру слова в целом понимают как строение лексического значения (Матвеева, 2010, с. 406), однако в некоторых случаях этот метод обладает недостаточной объяснительной силой, и «представление значения слова в виде набора семантических признаков... часто не позволяет объяснить его реальное употребление» (Добровольский, 2013, с. 29). Семантические признаки, безусловно, выступают в роли составляющих метаязыка для описания значения, однако наиболее полное описание требует контекстного метода и знания семантико-синтаксического (Мельчук, Жолковский, Апресян, 1984), экстралингвистического (Колшанский, 1980, с. 32) и «внетекстового» контекста, то есть зависимости восприятия от конкретной эпохи (Бахтин, 1986, с. 390).

Существует и другая форма представления семантической структуры с помощью метода когнитивного моделирования, это – квалиа-структура. Такой вариант моделирования смысловой структуры был успешно применён в когнитивной лингвистике на отгнотимных прилагательных (Глушак, Шевякова, 2023).

Квалиа-структура – это «система отношений, которая характеризует семантику существительных подобно аргументной структуре глагола» (Pustejovsky, 1991, p. 426).

Модель квалиа-структуры Дж. Пустейовского включает четыре составляющих, которые характеризуют: 1) категорию или класс предмета или явления, 2) его содержание или состав, 3) цель, 4) происхождение. В терминах они представлены как формальный, конститутивный, телический и агентивный атрибуты. С помощью этой схематичной, упрощённой модели можно описывать значения существительных и словосочетаний существительных с определением. Отмечается, что не все четыре компонента квалиа-структуры обязательно представлены у каждой лексической единицы, что отражается на описании значения слова. Происхождение явления или объекта может быть неизвестно. Например, дом из класса строительных объектов для жизни является артефактом, сделанным/построенным человеком или группой людей из бетона, дерева или камня с целью размещения и жизнедеятельности в нём. Дом можно считать семантической универсалией и перевести это описание на все языки. Однако, возвращаясь к категориям абстрактного и конкретного, отметим, что даже такое конкретное существительное, как дом, может иметь абстрактное значение астрологического дома в натальной карте, которая используется в астрологии для описания всех сфер жизни человека. Существительное „Rechtsstaat“ («правовое государство») можно причислить к классу абстрактных слов, обозначающих некоторый идеальный объект, или рассматривать с точки зрения того, что данное конкретное государство является правовым государством, управляемым по принципу верховенства права. Мы намеренно используем термин «верховенство права», а не «верховенство закона», так как последний считается лингвистически ошибочным термином с позиции юрлингвистики, хотя он и записан в некоторых нормативно-правовых актах РФ, «понятие “верховенство права” значительно шире, чем правовое государство», а английская доктрина, лежащая в основе англоязычного аналога, термина “rule of law”, допускает разные толкования, что исключает возможность полной синонимии (Бекишиева, 2017, с. 20-21).

Рассматриваемый немецкий композит принадлежит к классу частей речи «существительные» и представляет собой когнитивно-дискурсивное образование, равно как и контекст его употребления является когнитивным по своей природе. По этой причине мы не соглашаемся с утверждением, что семантика контекстуально независима и как таковая должна быть противопоставлена прагматике (Lyons, 1987, p. 152-178). С этим не согласна и автор критического анализа модели квалиа-структуры З. А. Харитончик (2016, с. 16-17),

при этом в данной модели она не видит отражения фоновых знаний, ассоциаций и оценочности. Между тем, по некоторым наблюдениям, именно контекст, синтаксис и прагматика взаимодействуют с квалиа-структурой и проявляют ситуативные и коннотативные значения и даже элементы оценочности.

Лексема „Rechtsstaat“ имеет отношение к юридическому дискурсу, поскольку прямо или косвенно упоминается в законодательных актах, например в одной из статей конституции Германии (Art. 28): „Die verfassungsmäßige Ordnung in den Ländern muß den Grundsätzen des republikanischen, demokratischen und sozialen Rechtsstaates im Sinne dieses Grundgesetzes entsprechen“ (GG). / «Конституционный строй в землях должен соответствовать принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе настоящего Основного закона» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. С.).

Немецкий электронный толковый словарь DWDS даёт следующее определение слову „Rechtsstaat“: „Staat, in dem die öffentlichen Gewalten (Regierung bzw. Verwaltung, Parlamente und Gerichte) effektiv an das geltende Recht gebunden sind und dadurch allgemeine Rechtssicherheit gewährleistet ist und in dem typischerweise eine Gewaltenteilung sowie elementare Menschenrechte und andere grundlegende Vorstellungen von Gerechtigkeit verwirklicht sind“. / «Государство, в котором публичная власть (правительство или администрация, парламенты и суды) эффективно связана действующим правом, что обеспечивает общую правовую определенность, и в котором обычно реализуются разделение властей, а также основные права человека и другие основополагающие представления о справедливости». Федеральное министерство юстиции ФРГ отмечает, что принцип правового государства является важнейшим, базовым принципом государственного устройства Германии: „Die Bundesrepublik Deutschland ist ein Rechtsstaat“ (BMJ). / «Федеративная республика Германия является правовым государством».

Согласно более широкому определению на сайте Федерального центра гражданского образования, правовое государство обозначает «государство, в котором всё, что делает государство, должно осуществляться в соответствии с нормами конституции и действующего законодательства. В Германии Основной закон – это конституция. В нём, в частности, говорится, что все люди имеют равные права. Кроме того, никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, происхождения или вероисповедания. Недопустимой является дискриминация, например, из-за происхождения, религии или языка. В конституционном государстве граждане должны иметь возможность рассчитывать на то, что их права будут защищены государством. В Германии суды проверяют, соблюдает ли государство закон и защищает ли оно права своих граждан. Противоположностью конституционного государства является полицейское государство или диктатура» (BPP). Данное иностранное определение даёт представление о трёх компонентах значения в соответствии с тем, как оно выгладит в модели квалиа-структуры.

Формальный компонент квалиа-структуры представлен категорией государственности или государственного строя. Судя по тому, что немецкое слово „Rechtsstaat“ вошло в Оксфордский словарь (OED) как заимствованное, можно утверждать, что оно само обозначает категорию, то есть является научным понятием, выражающим некоторые общие свойства для явлений, которые можно отнести к данной категории – категории правового государства.

Конститутивный элемент квалиа-структуры можно описать как ряд действий, совершаемых от лица государства и направленных на усиление роли права, соответствие конституции, в чём выражается и телический аспект, то есть цель. Такие действия подразумевают, согласно данному выше определению правового государства в словаре DWDS, реализацию идеи справедливости. При этом справедливость представляется неотъемлемой составляющей правового государства (конститутивный аспект). Далее мы остановимся на этом моменте подробнее в рамках контекстного анализа.

Происхождение, или агентивный компонент значения, определяется доктриной правового государства, возникшей в немецкой юриспруденции в первой трети XIX в. (Раянов, 2012, с. 10).

Если Германия однозначно, согласно юридическим источникам, относится к категории правового государства, то есть государственный строй этой страны соответствует понятию правового государства, то ещё более это понятие уточняется посредством противопоставления данному образу правового государства противоположных ему явлений или форм – полицейского государства и диктатуры, в роли которых, одновременно или по отдельности, в публичном немецкоязычном дискурсе обычно представляются Россия, Белоруссия, Северная Корея, Иран и иногда Китай. Также в качестве правовых государств публично в немецкоязычных СМИ не признаются Венгрия и Польша при консерваторах. Таким образом, определение значения слова осуществляется через противопоставление противоположностей, которое однозначно понятно носителям той культуры, для которой исходное понятие является свойственным, характерным. В этом противопоставлении косвенно находит проявление агентивный аспект квалиа-структуры, так как сами авторы противопоставления предполагают происхождение значения слова из своей, германской политической культуры и немецкой юриспруденции. Поскольку «язык может быть определён как особый когнитивный процесс» (Кубрякова, 1994, с. 36), процесс называния явления действительности определённым образом отражает путь постижения, узнавания реальности.

С точки зрения морфологии в немецком языке лексема „Rechtsstaat“ представляет собой композит, в котором первый компонент является определяющим, следовательно, правовой характер определяет государство (второй компонент). В русском языке этому композиту соответствует словосочетание существительного с прилагательным в роли определения. Лексемы „Rechtsstaat“ и «правовое государство» являются неполными эквивалентами, так как имеют одинаковое сигнификативно-денотативное значение, но неодинаковую структурно-грамматическую организацию. Что касается субъективной оценочности, функциональной стилистики и экспрессивной коннотации, позволим себе предположить, что эти аспекты также доступны для эмпирического исследования

и поддаются лингвистическому описанию благодаря контекстному анализу, с помощью которого возможно, как уже упоминалось в начале статьи, на основе модели квалиа-структуры дополнять и уточнять значение слова. Более того, именно в отношении такого понятия, как „Rechtsstaat“, а также, в частности, в отношении нескольких составляющих его значения – справедливость, соответствие закону, правовая определённость, эффективность и защита – существует множество фактических несоответствий между эталоном правового государства и действительностью в конкретной стране, а к вопросу о справедливости во все времена обращаются философы, писатели и журналисты чаще именно тогда, когда особенно трудно верить в её существование.

Анализ лексемы „Rechtsstaat“ на основе пяти авторитетных словарей обнаруживает общий признак подчинённости нормам права, который можно отнести к ядерной зоне квалиа-структуры. Сюда относятся такие схожие признаки, как реализация права в соответствии с конституцией („das Recht verwirklichen“), норма права („Rechtsnorm“), правовой порядок („Rechtsordnung“), гарантия соблюдения законности („Rechtssicherheit“), правовой статус и гарантии прав граждан („rechtliche Stellung der Bürger“). Помимо этих общих признаков, словарь Wahrig указывает на ограничение власти правительства как следствие его подчинённости правопорядку („ein Staat, in dem die Regierungsgewalt durch eine Rechtsordnung begrenzt und die rechtliche Stellung des Bürgers gesichert ist“), словарь DWDS ссылается на характерный принцип разделения властей („Gewaltenteilung“), справедливость („Gerechtigkeit“) и базовые права человека („elementare Menschenrechte“), а словарь DUDEN упоминает народ как субъект права, устанавливающий правопорядок, и подчинённость государства контролю со стороны независимых судей („Staat, der [gemäß seiner Verfassung] das von seiner Volksvertretung gesetzte Recht verwirklicht und sich der Kontrolle unabhängiger Richter unterwirft“). Эти признаки можно отнести к ядерной зоне, так как они присутствуют в некоторых словарных дефинициях. Экстралингвистический контекст подчёркивает тенденцию к расширению понятия правового государства за счёт усиления таких семантических компонентов значения, как защита от произвола („Schutz vor Willkürherrschaft“), равенство перед законом („Rechtsgleichheit“) (Der Standard. 11.01.2002). Вместе с тем один пример указывает на необязательность признака определяющей роли народа для конституционного государства, зато принцип верховенства права относится к неотъемлемым условиям демократии. Конституционное государство в данном случае выступает синонимом правового государства: «Конституционное государство без верховенства народа мыслимо, но демократия невозможна без верховенства права» (Die Zeit. 18.06.2015). Соответственно, признаки «защита от произвола», «равенство перед законом» и «верховенство власти народа» („die Volksherrschaft“) могут быть отнесены к периферийной зоне, так как встречаются в отдельно взятых примерах. Данный контекстный пример мы находим в словаре DWDS, который даёт возможность выделить дополнительные признаки значения «правовое государство» на основе дефиниции и цитат из дискурса СМИ. В других примерах подчёркивается идея равноправия в независимости от привилегий и личности человека, которая прослеживается как в современном медийном дискурсе, так и в более ранней публицистике начала XX века. Этот же словарь DWDS со ссылкой на источник приводит в качестве релевантного словосочетания „der soziale Rechtsstaat“ («социальное правовое государство») (Alt, 1985, S. 59). Выше мы упоминали данное словосочетание в тексте Основного закона ФРГ. Наконец, в одном из контекстных примеров, который мы даём полностью для наглядности, наблюдается расхождение в смысловой структуре лексемы „Rechtsstaat“, по сути, концептуальная раздвоенность в сознании восточных немцев, которые жаловались на отсутствие в новой, объединённой Германии справедливости. По их словам, вместо неё они «получили только правовое государство» или, точнее, верховенство права без справедливой составляющей, что по факту нивелирует ценность правового государства как такового: „Die Bürgerrechtlerin Bärbel Bohley hat vor einiger Zeit beklagt, man habe in der ehemaligen DDR auf »Gerechtigkeit« gehofft, aber nur den »Rechtsstaat« bekommen“ (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23.01.1995). / «Борец за гражданские права Бербель Боли некоторое время назад сетовала на то, что люди в бывшей ГДР надеялись на „справедливость“, а получили лишь „правовое государство“». Данное наблюдение заставляет предположить особенность в восприятии идеи правового государства у восточных немцев и их обострённую чувствительность к несправедливости. Семантическая реализация слова может осуществляться в том числе посредством синтаксической конструкции (Леонтьева, 2019, с. 123). Синтаксис – противопоставление справедливости и правового государства через противительный союз „aber“ – в сочетании с наречием „nur“ («только», «лишь») подчёркивает когнитивный диссонанс от нарушения целостности знаковой системы, расхождения идеи правового государства и действительности. В результате семантического противопоставления уточняется набор семантических компонентов (Калганова, 2022, с. 85). Важно, что в данном случае речь идёт об интерпретации действительности в контексте, а не о толковании правовой нормы, которое «должно исходить из ее лексического наполнения и структурного построения, а не из тех ассоциаций и фоновых знаний, которые возникают у правоприменителя...» (Аркаева, 2023, с. 23).

Заметим, что классическая англосаксонская концепция „rule of law“ может подразумевать справедливость, однако это прямо не отражается в значении самой лексемы и не обязательно присутствует в интерпретации доктрины, в то время как термин „rule of law“ часто приводится в качестве синонима немецкой лексемы „Rechtsstaat“ в словарях, и оба слова долго считались аналогами в юриспруденции. При этом современные исследования показывают, «что государство с верховенством права не является правовым государством автоматически и наоборот», любой аспект такой доктрины может быть искажён, как это было сделано фашистской Германией (Бекишиева, 2017, с. 20). По логике, отсутствие справедливости, то есть нивелирование базового концепта, заложенного в смысл лексемы „Rechtsstaat“, лишает понятие правового государства важной содержательной части. По-другому можно сказать, что соблюдение правовых норм, или «буквы закона», не равняется соблюдению прав граждан данного государства. Одновременно с этим доктрина верховенства права реализуется и в демократическом строе, однако иначе, чем в фашистском государстве. Отсюда

следует вывод о том, что сам по себе принцип верховенства права не является достаточной основой демократии и должен сочетаться с принципом «справедливости» для реализации правовой государственности. Таким образом, «внетекстовый» контекст (Бахтин, 1986, с. 389-390), или «внетекстовая ситуация» (Амосова, 1963, с. 48), существенно влияет на восприятие и структуру значения слова в определённую эпоху.

В связи с этим важно подчеркнуть, что при выборе лексического соответствия немецкому слову „Gerechtigkeit“ мы учитывали его многозначность и наличие таких словарных значений, как «законность» и «правосудие», однако для перевода высказывания правозащитницы мы выбрали именно «справедливость», первое значение в словарной статье (Большой немецко-русский словарь, 2001, с. 371). На выбор этого значения существенно влияет то, что можно назвать перцептивным компонентом семантической структуры слова: речь идёт о восприятии действительности, о субъективном ощущении, ожидании, о некотором чувственном образе, который «кодирует» концепт справедливости в сознании (Попова, Стернин, 2001, с. 24). Это надежда на соответствующее отношение к человеку, предположительно, определённую социальную защищённость, а не рассуждение о законности как элементе правосудия или о правосудии в категориях наказания и оправдания (ср. англ. “fairness” и “justice”). Коннотативная семантика в данном случае формирует конститутивную составляющую значения, «дополняет объективное содержание языковой единицы ассоциативно-образным представлением о денотате на основе внутренней формы наименования» (Герасименко, 2008, с. 44). Так имплицитный компонент значения лексемы оказывается связанным с системой ценностей, или, другими словами, «семантическая система языка соотносится со структурой сознания» (Виноградова, 2014, с. 54).

С точки зрения юрислингвистики, денотатом правового государства является сама Германия, она же представляется конкретным воплощением идеи правового государства, что показывает сочетание абстрактного и конкретного значений в одной лексеме. Однако действительное существование правового государства в определённом контексте может подвергаться сомнению (по аналогии с демократией, которой в чистом идеальном виде не существует) по причине относительности понятия и субъективности ощущения справедливости/несправедливости, и сложности категории законности. Определение правового государства по отношению к ФРГ, как, впрочем, и любой другой стране, можно считать субъективным и не всегда соответствующим конкретному историческому моменту.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Модель квалиа-структуры, предложенная Дж. Пустейовским, применима к описанию семантической структуры существительного „Rechtsstaat“, сочетающего в себе, с одной стороны, черты абстрактного понятия, отображающего отвлечённое от материального воплощения свойство, и, с другой стороны, некоторые черты конкретного типа правового государства, которое отчасти реализуется и оценивается как таковое в определённых кругах.

Анализ словарных дефиниций помог описать основных общих признаков, составляющих ядерную и приядерную зону квалиа-структуры значений, контекстный анализ и когнитивное моделирование на основе квалиа-структуры позволили выявить глубинные смыслы, уточняющие и расширяющие границы интерпретации лексемы в контексте.

В квалиа-структуре значений существительного „Rechtsstaat“ определяются следующие зоны: ядерная зона значений с компонентами «верховенство права», «норма права», «правовой порядок», «правовые гарантии», «правовой статус», «реализация права», «соответствие конституции», приядерная – с компонентами «ограничение власти правительства», «разделение властей», «независимость суда», «соблюдение прав человека», «справедливость» и периферийная зона с компонентами «защита от произвола», «равенство перед законом», «верховенство власти народа», «только верховенство права без соблюдения принципа справедливости», «социальное правовое государство». Выявленные смысловые компоненты представляют три из четырёх составляющих квалиа-структуры, а именно: формальный, конститутивный и телический атрибуты. Агентивный атрибут не находит отражения в словарях. Большое количество определений одного слова делает его конкретнее, а это означает, что метод анализа структуры значения с помощью квалиа-структуры следует диалектической традиции восхождения от абстрактного к конкретному, тем самым сглаживается дихотомия «абстрактный – конкретный», которая становится нерелевантной для определения глубинной семантической структуры.

В перспективе дальнейших исследований планируется разработка моделей квалиа-структуры для большего количества лексем одного поля, таких как „Recht“ и „Gerechtigkeit“, с привлечением данных из области этнопсихолингвистики.

Источники | References

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I.
3. Аркаева К. А. О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2023. № 30 (41). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)3004](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)3004)
4. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд-е 6-е. М.: Художественная литература, 1986.

5. Бекишиева С. Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. № 3.
6. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.
7. Виноградова С. А. Когнитивная лингвистика о значении и концепте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2 (39).
8. Вольская Ю. А. Морфологический критерий разграничения абстрактных и конкретных существительных: экспериментальный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 1. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.1.119-129>
9. Герасименко И. Е. Коннотативная семантика прецедентных наименований мужчины // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 16.
10. Глушак В. М., Шевякова К. В. Квалиа-структура немецких отэтнонимных прилагательных (на материале лексемы deutsch) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-47-64>
11. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.
12. Калганова С. О. Актуализация лексической семантики в контексте межкультурных сопоставлений // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 4. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.4.067>
13. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
14. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
15. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
16. Леонтьева А. В. Метод контекстного анализа в лингвистике // Лучшая студенческая статья 2019: сборник статей XX международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и просвещение, 2019.
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
18. Раянов Ф. М. Доктрина правового государства: истоки, распространенность, проблемы в России // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 3 (29).
19. Харитончик З. А. Глубинные смыслы языковых единиц // Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов VII междунар. науч. конф. (г. Минск, 18-19 октября 2016 г.) / отв. ред. И. С. Ровдо. Мн.: РИВШ, 2016.
20. Харитончик З. А. О рефлексии лексических значений компонентов // Materialien der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee (Lutherstadt Wittenberg, 20-25. September 2001). Münster, 2002.
21. Lyons J. Semantics // New Horizons in Linguistics 2 / ed. by J. Lyons, R. Coates, M. Deuchar, G. Gazdar. Harmondsworth: Penguin Books, 1987.
22. Mauthner F. Wörterbuch der Philosophie. Leipzig: Felix Meiner, 1923.
23. Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics. 1991. Vol. 17.
24. Pustejovsky J., Boguraev P. Lexical Knowledge Representation and Natural Language Processing // Artificial Intelligence. 1993. Vol. 63.
25. Schrauf J. Vom Konkreten im Abstrakten: Eine kognitionslinguistische Analyse zu Konkreta und Abstrakta: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.) des Fachbereichs Germanistik und Kunstwissenschaft. Marburg/Lahn, 2011.
26. Youn H., Sutton L., Smith E., Moore C., Wilkins J. F., Maddieson I., Croft W., Bhattacharya T. On the Universal Structure of Human Lexical Semantics // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2016. Vol. 113 (7). <https://doi.org/10.1073/pnas.1520752113>

Информация об авторах | Author information

Степанова Мария Алексеевна¹, к. филол. н.
Саванкова Екатерина Владимировна², к. филол. н.

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений МИД России

Maria Alexeyevna Stepanova¹, PhD
Ekaterina Vladimirovna Savankova², PhD

^{1,2} MGIMO University, Moscow

¹ m.a.stepanova@inno.mgimo.ru, ² e.savankova@inno.mgimo.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.02.2024; опубликовано online (published online): 11.04.2024.

Ключевые слова (keywords): юрислингвистика; когнитивное моделирование; квалиа-структура; семантика; legal linguistics; cognitive modeling; qualia structure; semantics.